
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

УДК 911.3 (470)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ В XXI ВЕКЕ

© 2024 г. Н.В. Зубаревич^{1,2} *, С.Г. Сафронов¹ **

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия

* e-mail: nzubarevich@gmail.com

** e-mail: saffff@mail.ru

В статье анализируются уровень и динамика межрегионального неравенства в России, Казахстане, Узбекистане, Беларуси в сравнении с другими странами Европы на основе данных официальной статистики стран СНГ (1995–2022 гг.) и Евростата (2011–2022 гг.). В качестве основного параметра оценки используется взвешенный по населению и нормированный в зависимости от числа территориальных единиц коэффициент Джини. В Белоруссии и в странах Евросоюза уровень межрегионального неравенства ниже, что связано с высокой и более равномерной освоенностью территории, более устойчивой структурой экономики. В России, Казахстане и Узбекистане уровень межрегионального неравенства выше, а его динамика разнонаправленная, что связано с влиянием ресурсной ренты на ограниченный круг регионов. В России и Узбекистане с конца 2010-х гг. неравенство росло, в Казахстане сокращалось, а в Беларуси было небольшим и стабильным вследствие особенностей структуры экономики и институциональных факторов развития. Оценки влияния макроэкономической динамики на межрегиональное неравенство не дали очевидного подтверждения ее воздействия. Влияние перераспределительной политики государства можно оценить лишь для России: значительный рост трансфертов в кризисы 2009 и 2020 гг. способствовал смягчению неравенства. Внутри федеральных округов (ФО) России дифференциация в целом ниже. Высокое неравенство характерно для крайне неоднородного Уральского ФО и Центрального ФО, где оно в последние годы снижалось. В Дальневосточном ФО региональная дифференциация росла, постепенное ее увеличение происходило и в регионах Северо-Западного ФО.

Ключевые слова: межрегиональное неравенство, валовой региональный продукт, инвестиции, доходы населения, уровень бедности, Россия, Казахстан, Узбекистан, Белоруссия.

DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1

Введение и постановка проблемы. Проблема территориального неравенства привлекает внимание ученых, политиков и общества, поскольку у нее есть и экономический, и социально-политический ракурс. Сильные разрывы в уровне развития территорий воспринимаются негативно, в публичной сфере на эту тему много спекуляций и эмоциональных суждений. В науке давно доказано, что территориальное неравенство неизбежно, оно зависит от конкурентных преимуществ и барьеров развития тех или иных территорий [25]. Вопрос в его масштабах и динамике.

Поэтому так важны корректные научные оценки территориального неравенства.

Исследованиями межрегионального неравенства в России занимаются в основном экономисты, значительно реже – географы. Публикаций немало, и в большинстве из них констатируется рост неравенства, хотя порой рассматривается не собственно неравенство, а процессы территориальной концентрации, что не одно и то же. Это показывает нижеприведенный обзор литературы:

В предыдущих публикациях авторов данной статьи показано, что динамика межрегио-

нального неравенства не линейна и меняется под влиянием разных факторов, в том числе макроэкономического фона и перераспределительной политики государства [8]. Эти выводы были основаны на анализе данных со второй половины 1990-х до начала 2010-х гг. С тех пор прошло более десятилетия, за это время в России случилась череда кризисов. Важно понять, повлияла ли турбулентность экономики на межрегиональное неравенство и если да, то как? При этом неравенство лучше измерять по широкому кругу экономических и социальных индикаторов, чтобы оценить различия его уровня и динамики по разным сферам развития. Кроме того, все более актуальны сравнительные исследования межрегионального неравенства в разных постсоветских странах, особенно больших по территории, по сравнению со странами Евросоюза, чтобы понимать особенности России в более широком контексте. Еще один ракурс, требующий внимания, – экономическое неравенство между регионами в пределах отдельных федеральных округов (ФО) или экономических районов. Его часто оценивают с помощью сравнения отдельных статистических индикаторов без использования стандартных методов измерения именно неравенства. В данной статье сделана попытка рассмотреть все эти направления оценки межрегионального неравенства для сопоставления тенденций за длительный период времени с 1990-х гг. вплоть до 2022 г.

Обзор ранее выполненных исследований. Исследований межрегионального неравенства в России и близких к ним по тематике в период после публикации статьи в 2013 г. [8] стало больше, в обзоре сделан акцент на свежие публикации. Можно сгруппировать их по нескольким направлениям, отражающим разные аспекты измерения неравенства. Методов измерения тоже становится больше, но их адекватность может быть разной. По этим причинам обзор сделан более детальным, чем это обычно принято в статьях.

Первое направление – измерения уровня неравенства и его динамики. Впервые такое исследование было проведено в Институте Гайдара по данным за вторую половину 1990-х и начало 2000-х гг., для оценки неравенства использовались коэффициенты вариации [6]. Оно не выявило однозначных тенденций роста или снижения, что было

связано с разнонаправленностью экономической динамики в этот период. В исследованиях новосибирских экономистов использовался метод декомпозиции для выявления вклада отдельных отраслей экономики в неравенство регионов по душевому валовому региональному продукту (ВРП) [15]. В более ранних работах новосибирской экономической школы проведен анализ методологии измерения дифференциации экономического развития регионов с помощью показателя ВРП [5]. Также рассмотрена методология измерения межрегиональной дифференциации ВРП в странах БРИКС, куда входит Россия, с учетом особенностей национальных счетов в каждой из них и качества статистики, а также показан высокий уровень территориальной дифференциации в этих странах [7].

В российской географической науке измерения территориального неравенства по данным на середину 2000-х гг. начаты А.И. Трейвишем. Его расчеты неравномерности заселения четырех стран по крупным 10–12 районам показали, что Россия схожа с Китаем и США, а из крупных стран несколько особняком стоит только Канада [21]. Также были рассчитаны величины стандартных отклонений душевых ВРП регионов в процентах от национальных значений. В США (51 регион) они составили 38,4, в Евросоюзе в зависимости от числа регионов – 42–48, в Мексике (32 региона) – 53, в Бразилии (27 регионов) – 57, в Индии (35 регионов) – 66, в России (79 регионов без автономных округов) – 67, в Китае – 71 [21]. Таким образом, менее развитые крупные страны более контрастны внутри, и Россия в числе лидеров по межрегиональному неравенству.

Сравнительный анализ регионального неравенства по ряду экономических и социальных индикаторов был проведен для трех крупных постсоветских стран за более длительный период – с середины 1990-х до конца 2000-х гг. с использованием индекса Джини [26]. Исследование показало, что экономическое неравенство в России росло до середины 2000-х и затем начало снижаться, а по доходным индикаторам стало снижаться еще с 2003 г. В Казахстане смягчение неравенства началось позже и не по всем индикаторам, а украинская статистика его практически не показала. В следующей работе авторов неравенство рассматривалось по разным индикаторам не только на уровне

регионов, но и городов России за период до 2011 г. Было показано, что межрегиональное неравенство с середины 2000-х до начала 2010-х гг. продолжало смягчаться, а межгородское неравенство, измеренное по заработной плате, демонстрировало стабильность и немного снижалось лишь при исключении из расчетов Москвы и Санкт-Петербурга [8].

Еще в одном исследовании сделан вывод о долгосрочной динамике нарастания регионального неравенства [23]. Авторы оценивали неравенство по разным экономическим показателям с помощью интегрального децильного коэффициента. По их расчетам, за период 1995–2020 гг. уровень экономического неравенства регионов увеличился с 2,4 до 5,6 раз. Однако приведенные в этой же статье графики индекса Тейла показывают разную динамику неравенства (как рост, так и снижение) по показателям ВРП и инвестиций за разные периоды [23].

Рассматривалось также неравенство федеральных округов и регионов внутри них. Для ряда показателей социально-экономического развития за 2000–2019 гг. были проведены расчеты с помощью индекса Тейла. Исследование показало, что различия между федеральными округами объясняют небольшую часть межрегиональной дифференциации, а на различия между регионами внутри округов приходится более 80% всей региональной вариации [2].

Исследований регионального неравенства в Казахстане немного, среди них доклад Программы развития ООН, основанный на анализе статистических показателей регионов [17]. Проведено также исследование неравенства на уровне муниципалитетов, разделенных на группы по центр-периферийной модели (степени удаленности от региональных центров). Расчеты коэффициентов вариации по душевым показателям промышленного производства, инвестиций, ввода жилья, заработной платы за период с 2002 по 2017 г. показали, что различия разных групп муниципалитетов по промышленному производству растут, а по вводу жилья и розничной торговле медленно снижаются, т.е. более периферийные муниципалитеты немного подтягиваются к столичным [10].

Второе направление – исследования, которые не оценивают собственно межрегиональное неравенство, но близки к этой теме по подходам и методам. В основном это

работы новосибирской экономической школы по территориальной концентрации и неравномерности экономической активности. В последних исследованиях рассматривается методология измерений региональных индикаторов, неравенство восточных регионов, а также необходимые изменения региональной политики [19; 20].

Для данной статьи более актуальны исследования Е. Коломак, которая провела расчеты индекса Тейла для территориальной концентрации населения, численности занятых и ВРП за 1995–2011 гг. в двух территориальных разрезах – для западной и восточной частей страны, а также на уровне регионов [12]. Различия по ВРП были максимальными, хотя они несколько сокращались между западом и востоком. При этом в западной части различия между регионами росли быстрее, чем на востоке, и по численности населения, и по уровню занятости, и по ВРП, т.е. пространственная концентрация экономической активности более характерна для западной части России [12]. В другом исследовании этого автора к индикаторам экономической активности добавлены основные производственные фонды, проведены расчеты с помощью индекса Тейла и множественной регрессии [13]. Наибольшие абсолютные значения индекса получены для основных фондов и ВРП, по основным фондам наблюдались и более высокие темпы роста различий. Пространственная концентрация трудовых ресурсов, как и увеличение дифференциации в уровне занятости, была намного ниже. В работе рассматривались несколько направлений трансформации территориальной структуры этих индикаторов: запад – восток, «центр» – «периферия», регионы добывающей и обрабатывающей специализации. Показано, что общая концентрация экономической активности сопровождается миграцией ресурсов из периферии в центр, с востока на запад, из регионов добывающей в регионы обрабатывающей специализации, но вклад концентрации в общий уровень межрегиональных различий оставался небольшим. Автор заключает, что в экономическом развитии России XXI в. происходят пространственные изменения, но их не очень высокая скорость говорит скорее об эволюционном процессе.

Отметим также географическое исследование территориальной концентрации ВРП

в странах Евросоюза и России по данным за 2007–2015 гг. Оно было нацелено на выявление роли в этом процессе мировых городов с использованием декомпозиции индекса Тейла [24]. Исследование выявило схожие тенденции в концентрации населения и ВРП, в первую очередь за счет глобальных городов, а также существенную роль дробности используемой сетки административно-территориальных единиц (АТЕ) в оценках направления и интенсивности этих процессов. Для регионов России без учета двух столиц отмечалась разнонаправленность и неустойчивость трендов концентрации/деконцентрации населения и экономики, заметное влияние на них волн экономических кризисов.

Есть публикации с более однозначными выводами. Например, отмечается устойчивый рост неравенства не только по показателям экономического развития, но и уровня жизни [14]. В подтверждение приводятся данные о темпах роста номинального и реального ВРП по федеральным округам с 1998 по 2017 г., изменении долей ФО в суммарном объеме ВРП, промышленного производства, численности занятых, энергопотреблении [14]. Утверждение об устойчивом росте межрегиональных различий требует обсуждения: за какой период, с какой скоростью, насколько эта тенденция устойчива? Именно эти вопросы будут рассмотрены ниже при анализе расчетов, сделанных авторами данной статьи.

Поляризация российских регионов за два десятилетия XXI века по динамике ВРП и численности населения оценивалась и более сложными методами – с использованием марковских процессов с дискретным временем и непрерывным пространством состояний [1]. При этом автор исключил из рассмотрения не только Чеченскую Республику, Республику Крым и г. Севастополь ввиду недостаточности данных, что объяснимо, но также Москву и Тюменскую область с округами, Санкт-Петербург и Московскую область, что не выглядят убедительным. С помощью сложной эконометрики были выделены три группы регионов – «отстающие», «средняки» и «лидеры», с разделением на подгруппы (для примера, одну из подгрупп, для регионалистов довольно странную, составили всего три региона с высокими темпами роста ВРП – Республика Дагестан, Сахалинская и Белгородская области). В работе сделаны

выводы об увеличении разрыва между группами, нарастающей концентрации населения в регионах-лидерах, невозможности перехода регионов из категории «отстающих» в категорию «средняков» или из «средняков» в «лидеры», что указывает на наличие «ловушек» низкого и среднего уровней развития. Еще один оставшийся без конкретизации вывод – в исследуемом периоде происходит поляризация внутри самой многочисленной группы «средняков», включающей почти три четверти регионов.

Третье направление – измерение разных аспектов межрегионального неравенства, чаще всего по доходам населения. В работах этого типа также широко используются эконометрические подходы, в частности для анализа вклада различных источников в региональное неравенство по доходам населения [16], а также внутрирегионального неравенства по доходам и его влияния на экономический рост в регионах России за период с 2005 по 2020 гг. [22]. Используя разные индикаторы внутрирегионального неравенства по доходу и сложную эконометрику, авторы заключили, что высокому внутрирегиональному неравенству по доходу соответствуют более низкие темпы экономического роста в регионе, однако эта зависимость проявляется только в долгосрочном периоде, а на средних и коротких интервалах времени не прослеживается.

Измерение неравенства регионов в налоговой и бюджетной сфере с использованием индекса Джини не выявило четких общих трендов динамики за 2008–2022 гг. [9]. Проводились и выполненные разными способами (индексы Джини, Тейла, Аткинсона и др.) расчеты неравенства по налоговым поступлениям с территорий субъектов РФ за 2016–2022 гг., соотношенные с численностью занятых [11]. Они также выявили нелинейную динамику неравенства по всем показателям и методам измерения.

Обзор публикаций показывает, что, несмотря на расширившийся спектр применяемых методов анализа, выводы авторов разных цитируемых работ нередко противоречат друг другу в оценках динамики межрегионального неравенства.

Материалы и методика исследования. Информационная база исследования состоит из двух блоков. Первый включает доступные

материалы государственных статистических органов крупных стран постсоветского пространства – России, Казахстана, Узбекистана и Белоруссии, которые наряду с данными по динамике ВРП, охватывают более широкий круг социально-экономических характеристик регионов в основном за 1995–2022 гг. Кроме того, для анализа отдельных показателей российского бюджета использовались данные Федерального казначейства РФ. Второй блок – данные Евростата о ВРП в разрезе территориальных единиц уровня NUTS-2, по масштабу наиболее сопоставимых с субъектами РФ, для некоторых европейских стран и Турции за 2011–2022 гг., а также данные Мирового Банка о динамике индекса физического объема их ВВП.

Важным моментом при рассмотрении территориальной дифференциации/неравенства является представление об объекте исследования. Некоторые экономисты предлагают подход к регионам как отдельным, равным по весу точкам [4], но он неадекватен поставленной нами задаче. Регионы рассматриваются не как абстрактные элементы эконометрической модели, а как места жизнедеятельности населения в конкретных социально-экономических условиях с разной доступностью базовых услуг и благ. Поэтому, исходя из опыта других работ, в качестве основной характеристики уровня межрегиональной дифференциации выбран взвешенный по населению территориальных единиц коэффициент Джини как наиболее внятно интерпретируемый показатель, сбалансированно учитывающий особенности распределения регионов по анализируемым показателям.

При анализе одной страны наиболее интересно не столько значение коэффициента, сколько его динамика. При необходимости же сопоставления разных по составу территориальных систем приходится учитывать различие в числе регионов, которое оказывает пусть и не определяющее, но заметное влияние на результаты расчетов, особенно для стран с небольшим числом АТЕ, на это справедливо указано в [3]. Поэтому для межстрановых сопоставлений коэффициенты Джини были пронормированы на величину его значения, соответ-

ствующего гипотетическому абсолютному неравенству с учетом числа регионов (n) в каждой стране $[(n - 1) / n]$.

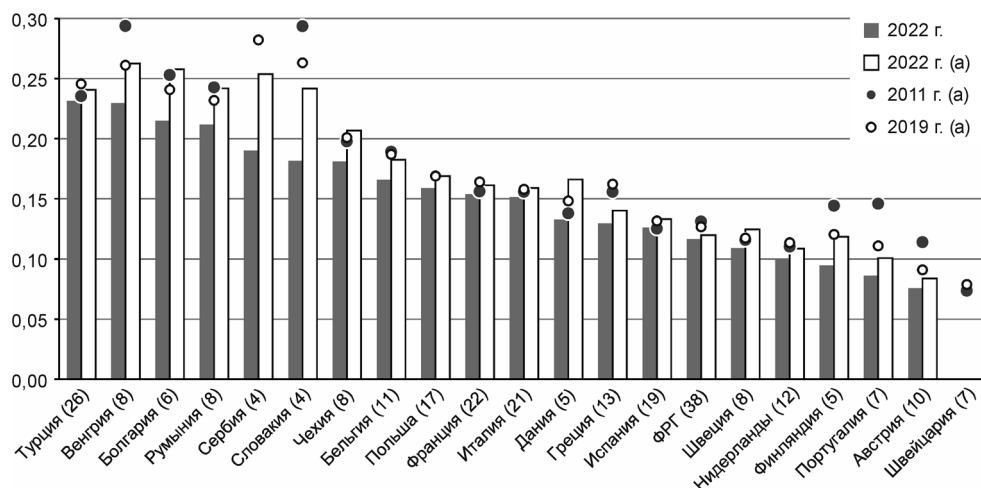
Результаты исследования.

1. Для понимания уровня и динамики межрегионального неравенства в России нужен более широкий контекст. Не претендуя на глубокий анализ темы межрегионального неравенства в европейских странах, по которой есть множество публикаций, проведем в целях последующего сравнения с Россией расчеты неравенства в европейских странах и его изменений с 2010-х гг. по ВРП на уровне регионов NUTS-2. Расчеты показывают, что в Турции, в менее развитых балканских странах и Венгрии оно более значительно, а минимальные значения имеют не только наиболее развитые страны, но и небольшая по территории и менее развитая Португалия¹ (рис. 1). Почти во всех этих странах неравенство было устойчивым или медленно снижалось с 2010-х гг. Таким образом, в более развитых европейских странах региональное экономическое неравенство меньше, оно стабильно или снижается.

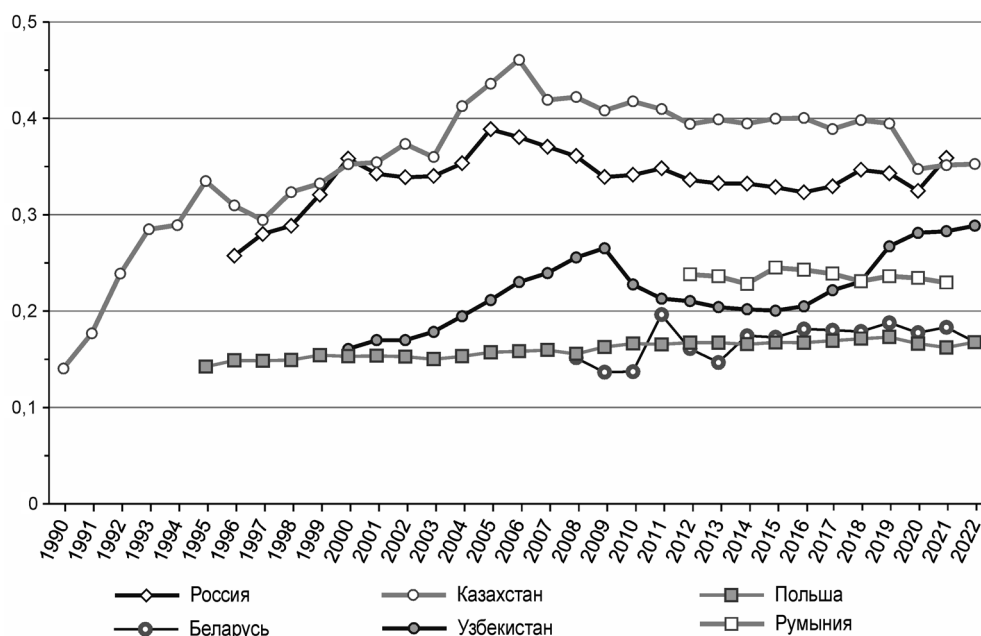
В методических работах, рассматривающих применение индекса Джини для оценки регионального неравенства, указывается, что на этот показатель влияет разное число территориальных единиц в странах [3]. Нормирование с учетом числа регионов коэффициента Джини приводит к его не очень существенному росту для стран с малым числом территориальных единиц. Лидером по уровню межрегионального экономического неравенства становится Венгрия, а Болгария и Сербия несколько опережают Турцию. Основной содержательный вывод от этого не меняется – в целом в европейских странах, даже в относительно менее развитых, уровень межрегионального неравенства невысок.

Также для сравнения с Россией проведены расчеты годовых значений индекса Джини для межрегионального экономического неравенства по ВРП для крупных постсоветских и двух восточноевропейских государств (Польши и Румынии), которые показывают, что его уровень намного выше в России и Казахстане (рис. 2). Это следствие не только раз-

¹ А.И. Трейвиш объяснил авторам статьи, что Португалия контрастна по оси «горный восток – прибрежный запад», а NUTS-2 делят страну с юга на север, поэтому для измерения различий более адекватен уровень NUTS-3 (более дробный).

Рис. 1. Индекс Джини для межрегионального неравенства по ВРП в 2011–2022 гг. (в скобках число территориальных единиц для уровня NUTS-2; (а) – нормированный).
 Источник: расчеты авторов по данным Евростата.

Рис. 2. Нормированный индекс Джини для экономического неравенства (ВРП) по некоторым постсоветским странам и странам Центрально-Восточной Европы.

Источник: расчеты авторов по данным Росстата, Бюро национальной статистики Республики Казахстан, Национального статистического комитета Республики Беларусь, Агентства статистики Республики Узбекистан, Евростата.

меров стран, но и сильных территориальных контрастов по наличию минерально-сырьевых ресурсов и освоенности пространства. Но все же с середины 2000-х гг. неравенство в них стало сокращаться. В Казахстане оно убывало еще более существенно с начала 2020-х гг., и в результате две страны сравнялись по уровню межрегионального нера-

венства по ВРП. Динамика последних лет в Казахстане связана с изменением региональной политики в конце 2010-х гг. К России и Казахстану в последние годы приблизился Узбекистан, где неравенство усиливалось только в периоды ускорения экономического роста в 2000-х гг., характерным для всех постсоветских стран, и затем

с конца 2010-х гг., в связи со сменой экономической политики и последовавшим за этим ростом экономики. В Румынии, Белоруссии и Польше неравенство ниже, и оно стабильно, что ближе к ситуации в других европейских странах. Стабильности способствует как более высокая плотность населения и освоенность территории, так и отсутствие для подавляющего большинства регионов сырьевой ренты, которая подвержена резким ценовым колебаниям.

2. Влияние *динамики экономического развития стран* на межрегиональное неравенство не очень велико и неоднозначно даже для двух ресурсодобывающих стран – России и Казахстана, в которых межрегиональная дифференциация во многом связана с природной рентой и конъюнктурой мировых цен на углеводородное сырье. Нельзя сказать, что быстрый экономический рост приводит к росту межрегионального неравенства, и наоборот (рис. 3а). Так, в кризисных 1990-х гг. межрегиональное неравенство росло, несмотря на отрицательную динамику экономики, поскольку регионы без экспортных природных ресурсов «падали» сильнее. В 2000-х гг. более высокие темпы роста индекса физического объема ВВП в России и Казахстане были во многом обеспечены благоприятной конъюнктурой для экспортно-сырьевых регионов, что сопровождалось ростом межрегиональной дифференциации, но только до второй половины 2000-х гг. В 2010-х гг. при разной экономической динамике межрегиональное неравенство было относительно стабильным и даже немного сокращалось. Турбулентная экономическая динамика в начале 2020-х гг. привела к разным результатам: в Казахстане межрегиональное неравенство несколько сократилось, а в России выросло.

В Узбекистане экономический рост 2000-х гг. сопровождался усилением межрегионального неравенства вплоть до кризиса 2009 г., а в 2010-х гг. при некотором замедлении темпов роста экономики неравенство сокращалось. Последующий рост межрегионального неравенства с конца 2010-х гг. происходил при разной динамике экономики, наблюдается несогласованность трендов.

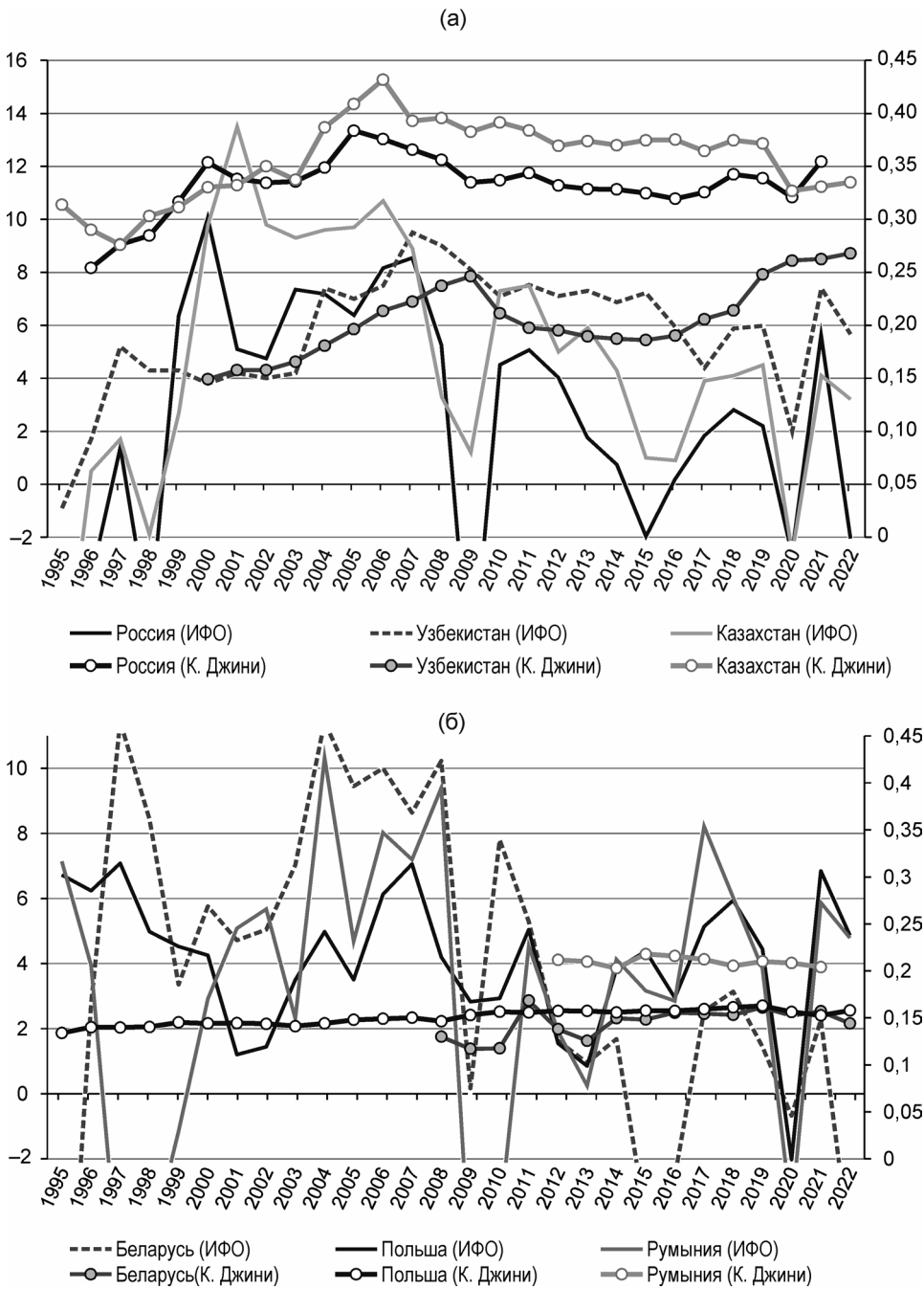
Еще менее заметна связь с динамикой экономики для стран с более низким уровнем неравенства (рис. 3б). В Польше размах колебаний экономической динамики

существенно ниже, чем в ресурсодобывающих странах, и практически не сказывается на дифференциации регионов в условиях староосвоенного и плотно заселенного пространства. В Румынии и Белоруссии экономика менее развита и менее устойчива, но ситуация аналогична – четкой связи между динамикой валового внутреннего продукта (ВВП) и межрегиональным экономическим неравенством (индекс Джини по ВРП) не прослеживается.

Таким образом, мы не можем утверждать, что на межрегиональное неравенство явно влияет макроэкономический фактор (динамика ВВП). Скорее, это результат совокупного воздействия более широкого круга факторов, как экзогенных, так и эндогенных, в том числе связанных со структурными особенностями экономики регионов.

3. Значимым фактором, влияющим на межрегиональное неравенство, выступает *перераспределительная политика государства*. Масштабная поддержка менее развитых регионов в виде трансфертов сглаживает межрегиональное экономическое неравенство, поскольку расходы бюджетов регионов на социальные цели учитываются при измерении ВРП в составе расходов на конечное потребление домохозяйств. Влияние этого фактора можно оценить только для регионов России, по ним доступны данные бюджетной статистики. Динамика трансфертов была разной: быстрее всего они росли в годы реализации нацпроектов (2007 г.) и в кризисы 2009 и 2020 гг. Как показали ранее проведенные исследования, благодаря трансфертам неравенство регионов по душевым доходам и расходам бюджетов с 2008 по 2022 г. смягчилось, основной тренд – выравнивание «снизу», за счет сокращения отставания от среднего показателя по стране в 2/3 средне- и менее развитых регионов [9]. При этом выравнивающий эффект заметнее на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и в большинстве областей Центра. Однако очевидной связи трансфертов с межрегиональным экономическим неравенством по ВРП, измеряемым индексом Джини, не обнаруживается, за исключением заметного выравнивающего эффекта в кризис 2009 г. и более явно – в ковидном 2020 г., когда объем трансфертов регионам вырос в полтора с лишним раза (рис. 4).

4. Сравнительный анализ межрегионального неравенства по разным индикаторам

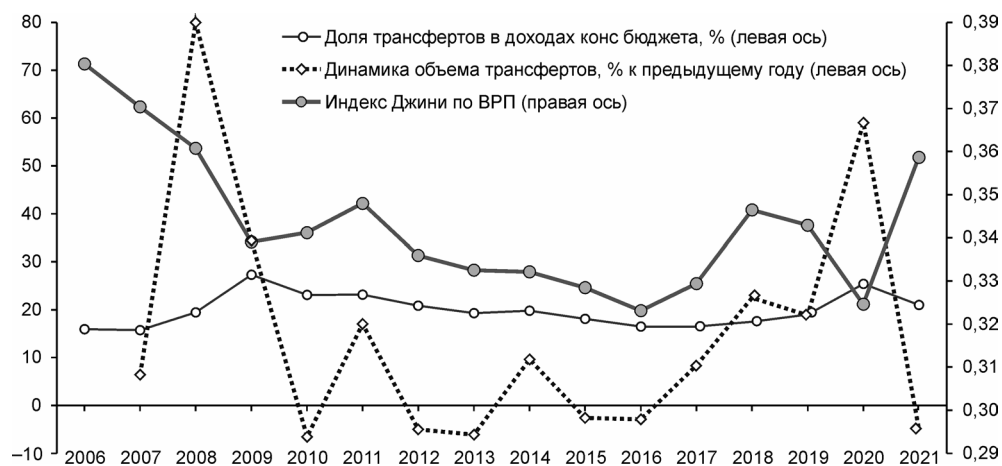
Рис. 3. Индекс физического объема ВВП (левая шкала) и коэффициент Джини по уровню межрегиональной дифференциации по ВРП (правая шкала) для стран: с ресурсной рентой (а); без ресурсной ренты (б).

Источник: расчеты авторов по данным Росстата, Бюро национальной статистики Республики Казахстан, Национального статистического комитета Республики Беларусь, Агентства статистики Республики Узбекистан, Мирового Банка.

в двух крупнейших по территории постсоветских странах – России и Казахстане – показывает, что тенденции неравенства в них имели и сходства, и различия (рис. 5а и 5б). Динамика за 1990-е и 2000-е гг. уже рассма-

тривалась в предыдущей статье авторов [26], поэтому сконцентрируемся на анализе изменений за 2010-е и начало 2020-х гг. Как уже было показано (см. рис. 2), межрегиональное *экономическое неравенство (по ВРП)*

Рис. 4. Индекс Джини по межрегиональному экономическому неравенству (ВРП), динамика трансфертов регионам (в % к предыдущему году) и их доля в доходах консолидированных бюджетов регионов РФ (%).

Источник: расчеты авторов по данным Федерального казначейства РФ и Росстата.

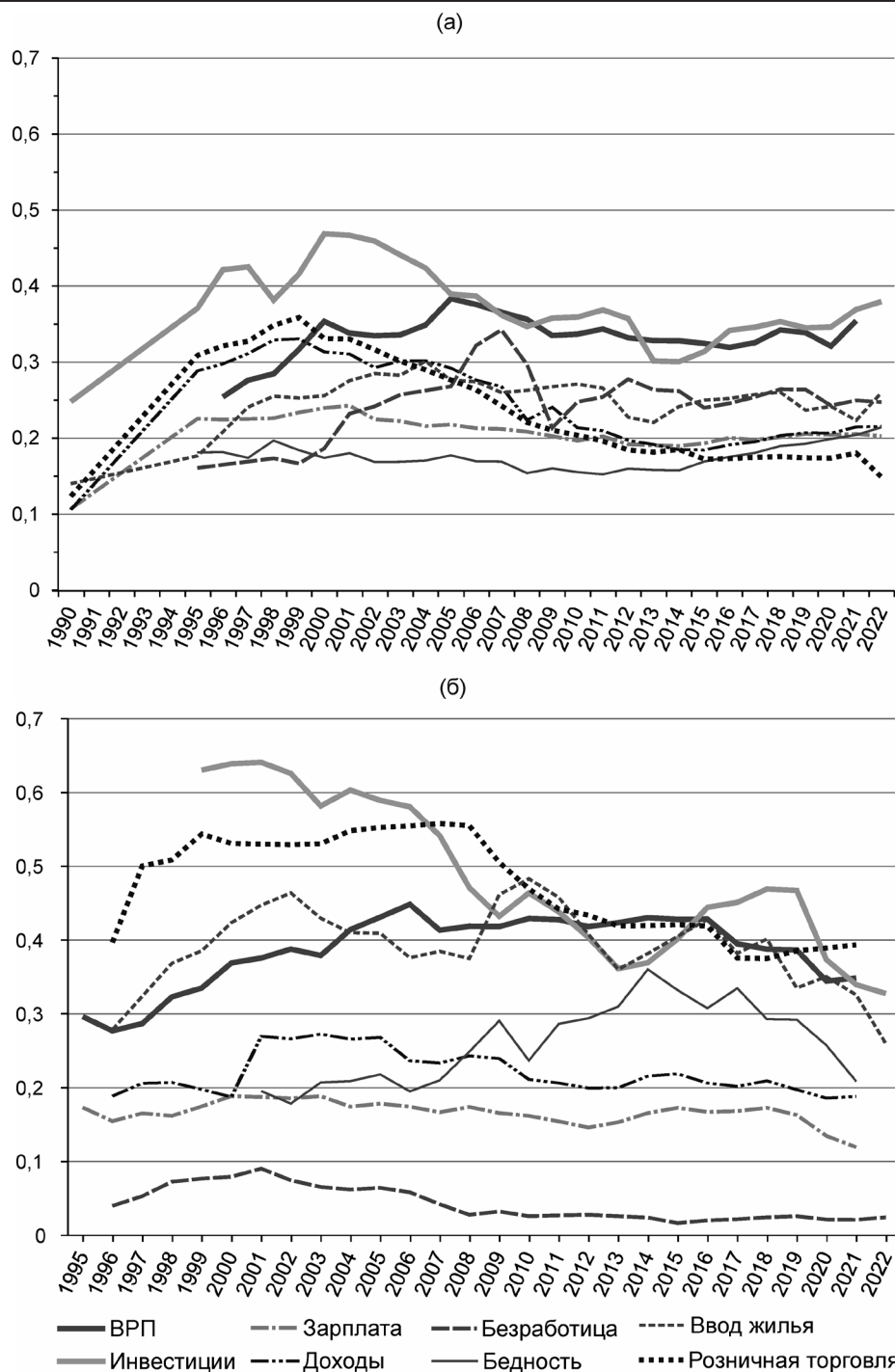
в России в 2010-х гг. стабилизировалось, а в начале 2020-х гг. вновь стало расти. В Казахстане с конца 2010-х гг. происходит снижение межрегионального неравенства по ВРП. Это обусловлено активизацией перераспределительной политики государства, а не колебаниями мировых цен на нефтегазовые ресурсы, влияние которых одинаково для двух стран. В 2018 г. в Казахстане был принят «Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 г.», где приоритетом региональной политики стало обеспечение управляемой урбанизации [18]. Новые направления региональной политики предусматривали развитие более широкого круга центров роста – 4 агломераций и 14 крупных урбанизированных зон, тем самым стимулировалось развитие всех областных центров, что способствовало смягчению межрегионального экономического неравенства. В результате по уровню неравенства две страны сравнялись, хотя ранее оно было более высоким в Казахстане.

Еще более заметны различия динамики межрегионального неравенства по *инвестициям*: в России оно росло с середины 2010-х гг., а в Казахстане довольно быстро сокращалось с конца 2010-х гг. Для России это можно объяснить ростом доли Москвы в общем объеме инвестиций в стране (с 15% в 2019 г. до 21% в 2021–2022 гг.). В Казахстане межрегиональная дифференциация инвестиций теперь ниже, чем в России, хотя в 2000-х и 2010-х гг. было наоборот. Причины вырав-

нивания могут быть связаны как со снижением доли инвестиций в нефтедобывающие регионы и в две столицы Казахстана, так и с ростом инвестиций в менее развитые регионы за счет бюджетных средств, но сам факт существенного смягчения межрегионального неравенства инвестиций очевиден.

Межрегиональные различия по *вводу жилья* в России с 2010-х гг. ниже других экономических показателей и менялись меньше, несмотря на колебания в отдельные годы. С 2010-х гг. 30–35% всего ввода жилья концентрируется в двух столичных агломерациях и Краснодарском крае. В Казахстане межрегиональное неравенство по вводу жилья более значительно и заметно сократилось только в 2020-х гг., почти сравнявшись с Россией. Скорее всего, стали больше строить жилья в региональных центрах Казахстана, а не только в Астане и Алматы.

Межрегиональное неравенство по *розничной торговле* (данные по организациям) в России и Казахстане исходно было близким, но затем значительно быстрее сокращалось в России, и теперь оно гораздо меньше, чем в Казахстане. Это объясняется тем, что в России быстрее шла экспансия в регионы, особенно в крупные города, торговых сетей, благодаря которым происходило «обеление» розницы. В Казахстане меньше крупных городов, форматы торговли пока менее модернизированы, поэтому недоучет оборота индивидуальных предпринимателей

Рис. 5. Индекс Джини для межрегионального неравенства по разным социально-экономическим индикаторам в России (а) и Казахстане (б).

Источник: расчеты авторов по данным Росстата и Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

и «теневой» розницы (в основном это открытые рынки), в большей мере сохранившейся на периферии, приводит к более значительным межрегиональным различиям.

Неравенство по социальным индикаторам в двух странах также различается по уровню и динамике. Межрегиональное неравенство по *доходам населения* исходно

было более значительным в России, но оно существенно сократилось к середине 2010-х гг. благодаря перераспределительной политике (повышению заработной платы бюджетников и др.). Однако со второй половины 2010-х гг. неравенство медленно росло в связи с исчерпанием эффекта повышений. При этом отрыв доходов населения Москвы, нефтегазодобывающих автономных округов Тюменской области относительно большинства регионов страны остается очень сильным. В Казахстане доходное неравенство исходно было меньше и его смягчение заметно с конца 2000-х гг. Необходимо учитывать и то, что региональная статистика доходов населения несовершенна во всех постсоветских странах.

Межрегиональное неравенство по *заработной плате* меньше неравенства по доходам и сопоставимо для обеих стран. При этом в России оно едва заметно выросло с середины 2010-х гг., а в Казахстане немного сократилось в начале 2020-х гг. В России некоторый рост этого неравенства в последние годы может быть связан с дефицитом рабочей силы из-за демографических факторов и опережающим ростом зарплат в более развитых регионах. Небольшое смягчение межрегионального неравенства по заработной плате в Казахстане вряд ли связано с демографическими причинами вследствие более молодой возрастной структуры.

Межрегиональное неравенство по *уровню бедности* в России не так велико, но оно выросло с середины 2010-х гг. и приблизилось к неравенству по доходам населения. При этом с 2018 г. в России усиливается адресная поддержка малоимущих семей с детьми. Ее растущие масштабы способствуют снижению уровня бедности в целом по России с 2020 г., но недостаточны для смягчения межрегионального неравенства. В Казахстане межрегиональное неравенство по уровню бедности росло почти до конца 2010-х гг. и превысило показатели России. Только с 2018 г. оно стало быстро снижаться, но все еще выше российского из-за более высокой доли сельского населения и многодетных семей с низкими доходами, которые концентрируются в менее развитых регионах.

Индекс Джини по *уровню безработицы*, измеряемой по методологии Международной организации труда (МОТ), показывает неравенства региональных рынков труда. Однако

сравнение различий в России и Казахстане затруднено влиянием институциональных факторов. В России неравенство существенно усилилось в период экономического роста 2000-х гг., затем резко сократилось в кризис 2009 г. из-за повышения уровня безработицы в более развитых регионах и вновь стало расти на стадии выхода из кризиса. Однако с 2013 г. изменения индекса Джини были минимальными, поскольку в последующие кризисы уровень безработицы в регионах почти не менялся, главным способом адаптации рынков труда стала не безработица, а неполная занятость, широко используемая работодателями в периоды кризисов. В Казахстане роль институциональных факторов еще сильнее: межрегиональные различия по уровню безработицы остаются сверхнизкими и даже сокращаются, поскольку все жители, имеющие скот и земельные участки, по закону считаются самозанятыми, а не безработными. Из-за сильного влияния институциональных факторов сравнивать межрегиональное неравенство в двух странах не имеет смысла.

Таким образом, в двух самых крупных странах СНГ в последние годы тенденции межрегионального неравенства стали различаться: в России по большинству индикаторов они стабильны или растут, а в Казахстане сокращаются. Причины понятнее для России, где объем трансфертов с 2010-х гг. оказался недостаточным для сдерживания роста межрегиональной дифференциации по доходам населения и инвестициям. В случае Казахстана нужно дополнительно изучать его региональную политику, в том числе изменения масштабов поддержки менее развитых регионов, а также особенности инвестиционной политики и бюджетной системы, чтобы объяснить причины смягчения межрегиональных различий в последние годы.

5. Межрегиональные неравенства можно оценивать не только по всем регионам РФ. Примером служит исследование Е. Коломак, показавшее, что в западной части России межрегиональные экономические и демографические различия росли быстрее, чем в восточной [12]. Ниже приведены расчеты межрегионального экономического неравенства *внутри федеральных округов и экономических районов (ЭР)*. На уровне макрорегионов еще сильнее высвечивается влияние институционального фактора, а также особенностей их «нарезки» (рис. 6).

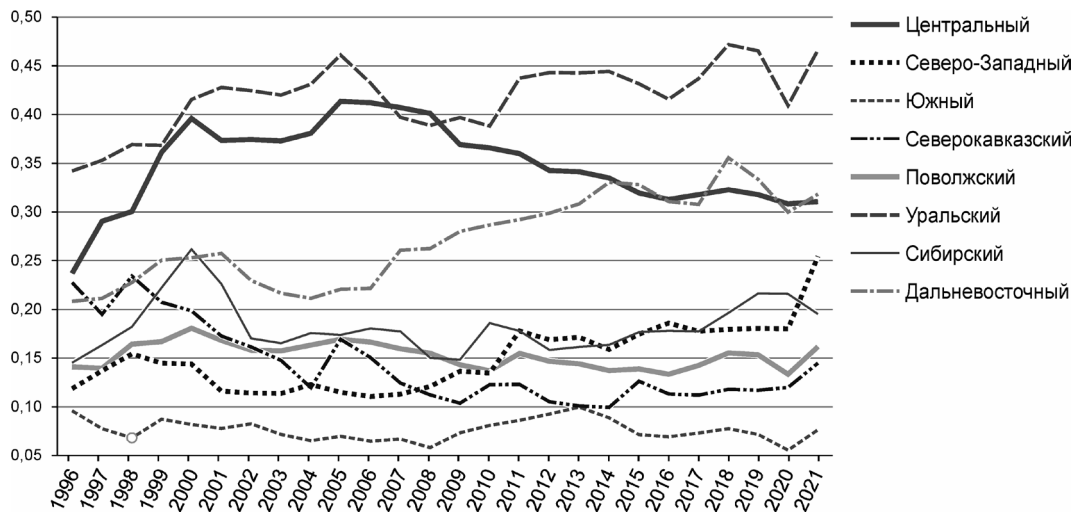

Рис. 6. Индекс Джини для межрегионального экономического неравенства (ВРП) внутри федеральных округов РФ (в границах 2010 г.).

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Максимальный уровень экономического неравенства ожидаемо имеет Уральский ФО с небольшим числом регионов, среди них получающая нефтегазовую ренту Тюменская область с автономными округами (с 2011 г. они учитывались отдельно, что привело к росту неравенства). Экономическое неравенство регионов Центрального ФО до конца 2000-х гг. было сопоставимо с уральскими за счет отрыва Москвы, важную роль играет институциональный фактор столичной ренты. Неравенство стало сокращаться только в конце 2010-х гг. благодаря росту экономики Московской области и ряда других областей (Калужской, Белгородской и др.).

Экономическое неравенство регионов Дальневосточного ФО выросло до уровня Центрального вследствие опережающего развития Сахалинской области, где резко выросли добыча нефти и газа благодаря реализации инвестпроектов глобальными компаниями на условиях соглашений о разделе продукции, и, отчасти, Якутии при сохранении депрессивности регионов Забайкалья и Еврейской автономной области. Неравенство регионов Северо-Западного ФО усилилось в последние годы за счет нарастающего отрыва Санкт-Петербурга, получившего дополнительные преимущества благодаря перемещению штаб-квартир «Газпрома» и «Газпромнефти». Росту неравенства способствовал и нефтедобывающий Ненецкий АО (с 2011 г. он считался отдельно от Архангель-

ской области). Сибирский ФО по экономическому неравенству регионов сопоставим с Северо-Западным. Минимальным и более стабильным экономическим неравенством регионов отличаются Поволжский, Северо-Кавказский (где оно даже сокращалось благодаря возросшей федеральной помощи в виде трансфертов) и, особенно, Южный ФО. У них нет субъектов – сильных драйверов роста, которые увеличивают неравенство, хотя в Приволжском ФО на такую роль мог бы претендовать Татарстан.

Неравенство регионов внутри экономических районов во многом совпадает с дифференциацией по федеральным округам. Западно-Сибирский ЭР, в который входит нефтегазодобывающая Тюменская область с автономными округами, имеет максимальную и стабильную экономическую дифференциацию. Резкие межрегиональные различия в Центральном ЭР, как и в ЦФО, постепенно снижаются. Та же тенденция роста межрегиональных различий между регионами Дальневосточного ЭР, а затем ее затухание в 2020-х гг. Еще одно сходство – рост экономического неравенства регионов Северо-Западного ЭР. Рост экономических различий в Северном экономическом районе в начале 2010-х гг. можно объяснить ускоренным развитием нефтедобывающего Ненецкого АО, поскольку среди других регионов Севера нет явных драйверов роста. В остальных экономических районах (Поволжский,

Северо-Кавказский, Центрально-Черноземный и Волго-Вятский) природные условия более однородны, освоенность относительно высока, поэтому дифференциация невелика и вполне соответствует значениям европейских стран.

Выводы. Несмотря на рост числа исследований межрегионального неравенства в России, общего представления относительно его масштабов и динамики до сих пор не сложилось. Уровень межрегионального неравенства в странах Евросоюза существенно ниже, чем в наиболее обширных постсоветских странах. В менее развитых балканских странах, в Турции и Венгрии оно несколько выше, чем в развитых странах ЕС. Это подтверждает выводы А.И. Трейвиша о более сильном межрегиональном неравенстве в менее развитых странах. При этом межрегиональное неравенство в ЕС или стабильно, или немного снижалось с начала 2010-х гг.

Главный содержательный вывод – уровень межрегионального неравенства изменчив во времени, стабильного тренда не существует, поскольку на неравенство, особенно в постсоветских странах, влияет множество экономических и институциональных (в т.ч. политических) факторов. Сопоставление уровня и динамики межрегионального неравенства в больших по территории постсоветских странах выявило разные тенденции в 2010-х и в начале 2020-х гг.: в России с конца 2010-х гг. оно росло, как и в Узбекистане, в Казахстане сокращалось, а в Белоруссии было небольшим и стабильным.

Оценки влияния макроэкономической динамики (роста или спада экономики) на межрегиональное неравенство не выявили очевидной связи, что может объясняться воздействием других факторов (структуры экономики регионов и др.). Влияние перераспределительной политики государства, которое можно оценить только для России, было более заметным в периоды кризисов 2009 и 2020 гг., смягчая межрегиональное неравенство по ВРП и доходам населения.

Динамика межрегионального неравенства в России и Казахстане по разным экономическим и социальным индикаторам сильно различается и не имеет общего тренда – выравнивания или роста региональных различий. В зависимости от выбранного индикатора для изменения неравенства получаются разные результаты.

Измерение межрегионального неравенства в России внутри федеральных округов и экономических районов дало не вполне очевидные результаты. Максимальное неравенство характерно для Уральского ФО из-за сверхвысоких показателей Тюменской области. Высокий уровень неравенства в Центральном ФО, обусловленный влиянием Москвы, снижался. В Дальневосточном ФО неравенство выросло и приблизилось к таковому в Центральном. В последние годы росло неравенство регионов Северо-Западного ФО из-за влияния Санкт-Петербурга. Остальные федеральные округа имеют существенно более низкие его масштабы. Межрегиональное неравенство внутри экономических районов в основном совпадает с федеральными округами, кроме роста неравенства в Северном ЭР.

В целом проведенный анализ показал неадекватность простых суждений – межрегиональное неравенство растет или снижается. В России оно действительно велико, но и влияющие на него факторы, и тенденции динамики, и масштабы неравенства по отдельным индикаторам разные. Это важно понимать не только в рамках академических исследований, но также при разработке и реализации региональной политики.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках госбюджетной темы НИР географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова № 1.17 «Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буфетова А.Н. Поляризация пространственного развития России: камо грядеши? // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22. № 1. С. 103–129.
2. Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. 2021. № 26 (4). С. 20–34. DOI: 10.21686/2073–1051–2021–4–20–34.
3. Глущенко К.П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 39–58.

4. Глущенко К.П. К вопросу о применении коэффициента Джини и других показателей неравенства // Вопросы статистики. 2016. № 2. С. 71–80.
5. Гранберг А.Г., Масакова И., Зайцева Ю.С. Валовой региональный продукт как индикатор дифференциации экономического развития регионов // Вопросы статистики. 1998. № 9. С. 3–9.
6. Дробышевский С., Луговой О., Астафьева Е., Полевой Д., Козловская А., Трунин П., Ледерман М. Факторы экономического роста в регионах РФ. М., 2005. 278 с.
7. Зайцева Ю.С. Межрегиональная дифференциация в странах БРИК: возможности оценки // Мировая экономика и междунар. отношения. 2010. № 5. С. 44–51. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-5-44-51.
8. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х гг.: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
9. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 31–41.
10. Искалиев Д.Ж. Пространственная дифференциация социально-экономического развития Казахстана по оси «центр-периферия» // Географический вестник. 2022. № 3 (62). С. 58–73. DOI: 10.17072/2079-7877-2022-3-58-73.
11. Камалетдинов А.Ш., Ксенофонтов А.А. Оценка межрегионального неравенства налоговых поступлений // Финансы: теория и практика. 2023. № 27 (1). С. 63–75. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-63-75.
12. Коломак Е.А. Эволюция пространственного распределения экономической активности в России // Регион: экономика и социология. 2014. № 3. С. 75–93.
13. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106. DOI: 10.14530/se.2019.4.085-106.
14. Крюков В.А., Коломак Е.А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экон. общества России. 2021. Т. 227. С. 92–114. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114.
15. Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А. Российские регионы: сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 2. С. 31–36.
16. Малкина М.Ю. Вклад различных источников в межрегиональное неравенство доходов населения России // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 126–150.
17. Региональные различия и неравенство в Казахстане: тематическое исследование в рамках регионального доклада ПРООН о человеческом развитии на 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kz.undp.org/content/dam/kazakhstan/docs/research-and-publications/2016/october/Kazakhstan.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).
18. Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/ob-utverzhdanii-strategicheskogo-plana-razvitiya-respubliki-kazahstan-do-2025-goda-i-priznanii-utrativshimi-silu-nekotoryh-ukazov-prezidenta (дата обращения: 25.01.2024).
19. Суспицын С.А. Измерения в пространстве региональных индикаторов: методология, методики, результаты // Регион: экономика и социология. 2014. № 3 (83). С. 3–30.
20. Суспицын С.А. Макроструктурные и пространственные диспропорции экономики России и ее восточных регионов и направления их снижения // Регион: экономика и социология. 2022. № 3 (115). С. 3–31.
21. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
22. Туманянц К., Арженовский С., Арькова О., Монастырев М., Пичулина И. Неравенство и экономический рост в России: эконометрические оценки зависимостей // Деньги и кредит. 2023. № 2. С. 52–77.
23. Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 4. С. 74–87. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.5.
24. Antonov E.V. Territorial concentration of the economy and population in European Union countries and Russia and the role of global cities // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. № 3. P. 360–372. DOI: 10.1134/S2079970520030028.
25. Krugman P. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 142 p.
26. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Regional inequality in large post-soviet countries // Regional Research of Russia. 2011. Vol. 1. № 1. P. 15–26. DOI: 10.1134/S2079970511010138.

Статья поступила в редакцию журнала 18 февраля 2024 г.

Об авторах:

Зубаревич Наталья Васильевна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Сафронов Сергей Геннадьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. 2024. № 1. С. 4–18.

DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1

**Interregional inequality in Russia
and post-Soviet countries in the 21st century**

N.V. Zubarevich^{1,2*}, S.G. Safronov^{1**}

¹*Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

²*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia*

* e-mail: nzubarevich@gmail.com

** e-mail: saffff@mail.ru

The article analyzes the level and dynamics of interregional inequality in Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Belarus and some European countries (in terms of NUTS-2 territorial units) according to available data from official statistics of the CIS countries (1995–2022) and Eurostat (2011–2022). The Gini coefficient, weighted by population and normalized depending on the number of territorial units, was used as the main evaluation parameter. The lower level and stability of interregional inequality in the countries of the European Union and Belarus are associated with a high and more uniform development of the territory and a more stable economic structure. In large post-Soviet countries, the dynamics of interregional inequality are multidirectional; there is no stable trend, which is associated with resource and capital rent in a limited range of regions. In Russia and Uzbekistan since the late 2010s. inequality grew, decreased in Kazakhstan, and was small and stable in Belarus due to the peculiarities of the economic structure and institutional factors of development. Assessments of the influence of the macroeconomic factor on interregional inequality did not provide obvious confirmation of its impact. The impact of the state's redistribution policy can only be assessed for Russia: it was more noticeable during the crises of 2009 and 2020. Within Russian federal districts, differentiation is lower. High inequality is typical for the extremely heterogeneous Ural Federal District and the Central Federal District, where it has been declining in recent years. In the Far Eastern Federal District, regional differentiation grew, and its gradual increase also occurred in the regions of the Northwestern Federal District.

Keywords: interregional inequality, GRP, investments, personal money income, poverty level, Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Belarus

Funding: The paper is prepared according to the scientific research plan of the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, theme № 1.17 «Modern dynamics and factors of socio-economic development of regions and cities of Russia and neighboring countries».

Received 18.02.2024